

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРОТОІЕРЕѢ ИЛИ ТЕОДОРОВИЧѢ ДІЕВСКОМЪ.

ъ одной изъ живописныхъ мѣстностей находится мѣстечко Дашевъ, кievской губерніи, липовецкаго уѣзда, на берегу рѣки Соби. По правую сторону рѣки расположенъ Дашевъ старый съ церковію въ честь Успенія Божіей Матери, по лѣвую—Дашевъ новый съ церковію во имя св. Онуфрія великаго. При этой-то ново-дашевской церкви съ 1820 по 1849 годъ священствовалъ нѣкто Ілія Теодоровъ Діевскій, умершій въ санѣ протоіерея.

Любознательный путешественникъ, или же любитель всякихъ давностей, напрасно сталъ бы искать какую-либо надпись на могильномъ крестѣ труженника, почившаго подлѣ храма, въ которомъ священнодѣйствовалъ покойный 29 лѣтъ сряду. Неблагопріятныя обстоятельства жизни дѣтей покойнаго протоіерея не позволили кому-либо изъ нихъ отмѣтить мѣсто погребенія своего отца какимъ-либо каменнымъ или деревяннымъ памятникомъ, столь обычнымъ у прихожанъ церкви св. Онуфрія. Между тѣмъ многимъ изъ жителей не только липовецкаго уѣзда, но и другихъ мѣстъ кievской епархіи памятна личность протоіерея Іліи, бывшаго довольно извѣстнымъ въ свое время. Да будетъ же позволено одному изъ сыновей покойнаго протоіерея, сохранившему самую добрую память о своемъ родителѣ, поставить письменный памятникъ почившему новодашевскому пастырю и въ своемъ родѣ общественному дѣятелю,—

памятникъ, сложенный изъ нѣсколькихъ воспоминаній о жизни и дѣятельности Іліи Ѳеодоровича Діевскаго.

Не только чувство сыновняго уваженія къ покойному отцу, но и чувство справедливости заставляетъ меня передать потомству нѣкоторыя свѣдѣнія о человѣкѣ, который хотя жилъ и дѣйствовалъ въ провинціальномъ захолустьи, тѣмъ не менѣе своими дарованіями и своею общественною дѣятельностію могъ принести и, какъ могутъ подтвердить архивы липовецкаго правленія и кievской консисторіи, дѣйствительно принесть значительную лепту на пользу Церкви и отечества.

Если каждое общество дорожить своими членами, то почему на страницы нашихъ духовныхъ лѣтописей не записать имена лицъ, которыхъ жизнь и дѣятельность протекла въ какомъ бы то ни было приходѣ, гдѣ сотни, а иногда и тысячи душъ руководятся, какъ странники, къ вѣчной жизни своимъ пастыремъ, духовнымъ вождемъ? Пусть же мои слабыя воспоминанія послужатъ вмѣсто біографіи моего отца.

Искренно сожалью, что ни въ моей памяти, ни въ дневникѣ моемъ, не сохранилось достаточно свѣдѣній о дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ Іліи Ѳеодоровича Діевскаго. Знаю только, что онъ былъ родомъ изъ села Микитянъ, бывшаго богуславскаго, нынѣ каневского уѣзда, кievской губерніи, сынъ дьячка тамошней церкви, и въ началѣ текущаго столѣтія отданъ для книжнаго обученія въ извѣстную тогда кievскую бурсу.

Извѣстно положеніе кievскаго бѣднаго бурсака. Бурса, не имѣя достаточныхъ средствъ для удовлетворительнаго содержанія учившихся въ ней, принуждена была,—повинуясь отчасти и силѣ обычая того времени,—отпускать своихъ питомцевъ, на такъ называвшееся тогда, «мирканье»¹. И мнѣ помнятся нѣкоторые рассказы моего отца о томъ, какъ бывало, они—воспитанники бursы ходили по домамъ за пособіемъ, какъ будто съ дѣтства

¹ Въ досужее время, преимущественно по праздникамъ, воспитанники бursы группами отправлялись къ домамъ достаточныхъ жителей города и пѣли подъ окнами пѣснь духовнаго содержанія, начинавшуюся словами: «миръ дому сему», за что получали вознагражденіе, «грошами» или же провизіей, служившею для нихъ приправой скудной бурсацкой пищи.

обреченные на скудость и нужду,—какъ они же группами, въ каникулярное время, путешествовали въ дома отцевъ своихъ или родственниковъ, чтобы подъ роднымъ кровомъ на чистомъ деревенскомъ воздухѣ отдохнуть послѣ утомительной работы и душевной атмосферы въ школѣ,—и какъ потомъ также возвращались въ бурсу для продолженія своихъ занятій. Если и въ наше время, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ воспитанія и при довольно сносной обстановкѣ школы, возвращеніе воспитанника учебнаго заведенія домой сопровождается дѣтскою радостію и восторгами: то вообразите себѣ, каковъ бывалъ во дни оны восторгъ бурсака, когда онъ въ каникулярное время вырывался на свободу въ деревню, въ своимъ роднымъ и знакомымъ!..

Бывали, помнится мнѣ, рассказы и другаго рода: какъ тогда учились въ школахъ, какихъ въ его время стоило трудовъ достать книгу или записки для урока (вотъ почему онъ тщательно берегъ книги самыя обыкновенныя—въ особомъ сундукѣ), какъ начальствующіе и учащіе расправлялись обычнымъ порядкомъ съ учениками, въ чемъ-либо провинившимися, какого вообще были поведенія жившіе въ тогдашней бурсѣ,—рассказы, конечно, не всегда благоприятные для школы. Но не помнится, чтобы когда-либо въ рассказахъ было сообщено о такихъ безобразныхъ явленіяхъ, какія покойный Помяловскій на позоръ читающему міру выставилъ въ своихъ «бурсацкихъ типахъ». Здѣсь я позволю себѣ замѣтить, что подобные типы, какъ «Тавля» и «Гороблагодатскій», никогда не существовали въ малороссійской бурсѣ. Самыя ихъ фамиліи, дѣйствительныя или вымышленныя, отзываются звуками, непривычными рѣчи южно-русса.

О дальнѣйшемъ пребываніи отца моего въ школѣ можно судить по надписямъ нѣкоторыхъ книгъ его и рукописей, у меня сохранившихся. Курсъ своего школьнаго образованія онъ окончилъ въ кievской духовной академіи до ея преобразования въ десятихъ годахъ текущаго столѣтія, и былъ въ ней сеніоромъ. Это — титулъ, который въ тѣ времена свѣдѣтельстввалъ и объ успѣхахъ воспитанника бывшей ака-

деміи и о вниманіи къ нему училищнаго начальства. Этотъ титулъ былъ почему-то памятенъ и, такъ сказать, популяренъ между многими почтенными стариками, съ которыми приходилось мнѣ встрѣчаться и даже быть знакомымъ, благодаря имени сеніора бурсы. Вѣрно, чѣмъ нибудь да заявилъ себя бывшій сеніоръ, когда бывало скажешь какому нибудь почтенному старцу свою фамилію, а онъ сейчасъ воскликнетъ: «а! вы сынъ Іліи Діевского, сеніора бурсы? Знаю, знаю»...

Чѣмъ ознаменовалъ Ілія Θεодоровичъ свое сеніорство: гуманитарнымъ ли обращеніемъ съ воспитанниками бурсы и товарищами, или же какимъ-либо исключительнымъ знаніемъ, — не могу сказать. Помнится только, что многіе, знавшіе бывшаго сеніора, нерѣдко высказывали свое удивленіе его обширному знанію латинскаго языка. Иные даже заявляли мнѣ, что онъ зналъ на память большую часть лексикона Розанова, который хранился у него въ цѣлости между другими книгами, съ надписью: «сеніора бурсы.» Въ какой степени это заявленіе вѣрно, не берусь рѣшать. Но оно свидѣтельствуетъ о достаточномъ знакомствѣ сеніора съ латинскимъ языкомъ, который былъ въ то время общеупотребительнымъ въ училищахъ; на немъ, какъ извѣстно, и объяснялись въ школѣ, и писали сочиненія и даже учили уроки.

Это нѣкотораго рода пристрастіе къ латыни отецъ мой сохранилъ и во время пастырской дѣятельности своей. Въ разговорахъ и въ письмахъ у него являлись цѣлыя тирады латинскихъ фразъ и оборотовъ, большею частію съ риторическимъ окончаніемъ. Купить ли онъ, бывало, книгу для сына, непременно на обратномъ листѣ надпишетъ: *Hic liber meus, testis est Deus; quis illum quaerit, hoc nomen erit: Michaël natus, Dievsky vocatus.* Попросишься ли въ вакаціонное время на рѣку поудить рыбы для охоты; того и жди, что услышишь латинскую мораль въ формѣ поговорки: *per pisces et per aves multi perierunt scholares.* Приѣдетъ ли гость какой изъ учившихся въ семинаріи или академіи; отецъ, не стѣсняясь никакимъ чиномъ пріѣзжаго, въ разговорѣ съ нимъ выпимаетъ изъ

сундука книгу Цицерона или Корнелія Непота, и предлагаетъ поспѣтителю перевести вмѣстѣ съ нимъ страницу или двѣ, какъ бы забывая, что гость прибылъ къ нему для чего-либо другаго, а не для упражненія въ латыни. Однажды онъ не затруднился проэкзаменовать такимъ образомъ даже моего учителя, когда я былъ еще въ училищѣ, и притомъ въ моемъ присутствіи. Особенно памятны мнѣ эти непрерывные переводы съ русскаго на латинскій языкъ, которые задавалъ мнѣ и брату отецъ нашъ во время каникулъ. Хотѣлось бы погулять, порѣзвиться, а тутъ тебѣ даютъ цѣлыя страницы для перевода, да еще съ разными хитрыми синтаксическими правилами.

Безъ сомнѣнія, подобная навязчивость съ латынью была уже своего рода слабостію, и объясняется тѣмъ, что старики наши, изучая разные предметы и пиша сочиненія на латинскомъ языкѣ, слишкомъ уже свыкались съ нимъ, можетъ быть даже въ ущербъ языку родному. Это, впрочемъ, была дань времени и зависѣла отъ общаго въ то время направленія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній до ихъ преобразованія.

Распрощавшись съ извѣстною въ свое время кіевскою бурсою и съ своимъ пресловутымъ сеніорствомъ, отецъ мой поступилъ на должность учителя Богуславскаго духовнаго училища, доселѣ существующаго. Какъ долго продолжалась его педагогическая дѣятельность, и заявилъ ли онъ себя чѣмъ-либо на этомъ поприщѣ, объ этомъ ничего не могутъ сказать ни мои воспоминанія, ни какіе-либо документы. По всей вѣроятности, это служеніе моего отца дѣлу образованія юношества было непродолжительное. У меня сохранились только нѣкоторыя книги съ надписью: «изъ числа книгъ учителя Илиі Діевскаго. 1816 г.», и все—книги латинскія: Библія Тремеллія, Лексиконъ Розанова, Исповѣданіе Петра Могилы на латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкѣ, Корнелія Непота съ подстрочными примѣчаніями, Богословіе Ѳеофана Прокоповича, и проч. Оставляю, поэтому, кратковременное служеніе моего отца въ Богуславскомъ училищѣ и перехожу къ его пастырской дѣятельности въ новодашевскомъ Онуфріевскомъ приходѣ.

Первое служеніе отца Іліи въ новодашевской Онуфріевской церкви было 29 іюня, въ день св. апостоловъ Петра и Павла. Приѣхавъ на мѣсто своего пастырскаго служенія, отецъ мой долженъ былъ остановиться на жительство въ такъ называвшейся тогда школѣ (общественномъ домѣ при церкви), гдѣ и прожилъ съ семействомъ около двухъ лѣтъ, въ одной комнатѣ съ чуланомъ. Значить, издавна чувствовалась нужда въ помѣщеніи для причта церковнаго. Но эта нужда, можетъ быть, не такъ была ощутительна лѣтъ сорокъ тому назадъ, какъ чувствуется она теперь, при иныхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ приходъ, при существовавшемъ еще тогда крѣпостномъ состояніи, не могъ дать болѣе удобнаго помѣщенія для своего священника. Пользовался тогда нѣкоторыми удобствами жизни или тотъ, кто за свою трудовую копѣйку, или же за полученное за женою приданое могъ купить для себя домъ или усадьбу, или дѣлался почему-либо близокъ къ помѣщику-поляку, который многое готовъ былъ сдѣлать для священника, умѣвшаго съ нимъ объясняться на польскомъ діалектѣ. Такъ, между прочимъ предмѣстникъ моего отца, нѣкто Е. Поржецкій, жилъ въ роскошномъ, по тогдашнему, домѣ, можетъ быть, потому что былъ воспитанникомъ уніатской коллегіи, и слѣдовательно умѣлъ бесѣдовать и жить съ ясневельможными панами.

Скоро впрочемъ отцу моему удалось за небольшую сумму купить одинъ изъ тѣхъ однообразныхъ домиковъ съ усадьбою, которые на протяженіи отъ новодашевской церкви къ сѣверу выстроены были въ рядъ для разныхъ офиціантовъ, служившихъ при богатомъ первоначально дворѣ графини Потоцкой, владѣлицы стараго и новаго Дашева. Этотъ-то скромный домикъ лѣтъ 15 сряду былъ нескучною чашею довольства и нѣкоторыхъ радостей для самого домовладыки, для домочадцевъ его и для разнаго рода посѣтителей близкихъ и дальнихъ. Въ этомъ же домикѣ родились и вскормлены сыновья и дочери (числомъ 7) отца Іліи. Здѣсь же протекала и вся пастырская жизнь съ ея радостями и горемъ, и 18-лѣтняя благочинническая дѣятельность моего отца.

Чтобы не утомлять читателей повѣствованіемъ о многочис-

сленныхъ опытахъ не бесполезной дѣятельности и значительнаго на современниковъ вліянія новодашевскаго пастыря и отца семейства, — я ограничусь указаніемъ только на нѣкоторые факты, болѣе другихъ выдающіеся, и особенно для меня памятные.

И прежде всего считаю долгомъ замѣтить, что отецъ мой, подобно другимъ, былъ точнымъ блюстителемъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ обычаевъ и правилъ тогдашняго общества. Такъ, напримѣръ, бывало, каждый воскресный и праздничный день (регулярно) послѣ обѣдни — въ слѣдъ за отцомъ шли въ домъ нашъ дьячекъ, староста церковный и еще кто-либо изъ почетныхъ прихожанъ на, такъ называвшееся, «Отче нашъ». Дьячекъ обязанъ былъ прочесть молитву Господню и краткое словословіе, заключивъ его церковною формою обращенія къ пастырю: «владыко, благослови», а батюшка произносилъ обычное, сопровождаемое крестнымъ знаменіемъ надъ принесеннымъ брашномъ, благословеніе: «Христе, Боже! благослови ястіе и питіе рабомъ своимъ, яко святъ еси во вѣки вѣковъ». За симъ слѣдовало предложеніе хлѣба и разрѣшеніе вина и елея по уставу. Это разрѣшеніе было всегда умѣренное и сопровождалось обыкновенною бесѣдою о дѣлахъ прихода или же о хозяйствѣ — предметѣ столь близкомъ для сельскихъ жителей.

Особенно памяты для меня священные дни Рождества Христова, Богоявленія, Пасхи и Преображенія Господня. — Наканунъ Рождества и Крещенія Господня, вечеромъ все семейство отца и прислуга, одѣтая по праздничному, собиралась обыкновенно въ главную комнату нашего дома, служившую гостиною и столовою вмѣстѣ; комната наполнялась оиміамомъ; отецъ надѣвалъ эпитрахиль, становился предъ иконами и, при мерцаніи восковой свѣчи, тихимъ, благоговѣйнымъ голосомъ читалъ молитву, какая положена въ требникѣ, при посѣщеніи священникомъ домовъ своихъ прихожанъ предъ праздниками. По совершеніи молитвы, всѣ домашніе садились за общій столъ и вмѣстѣ съ хозяиномъ дома и его семействомъ вкушали трапезу, при чемъ шла обычная бесѣда домовладыки съ своими

домочадцами, и одинъ изъ старѣйшихъ работниковъ отъ лица прочихъ привѣтствовалъ своего хозяина обычными въ этомъ случаѣ благожеланіями, въ родѣ слѣдующаго: «дай, Боже, оцей рикѣ проводыты и пришлаго (будущаго) дочекаты». Между тѣмъ въ домѣ продолжались приношенія хлѣба—соли отъ прихожанъ своему батюшкѣ и его семейству¹.

Въ самые же дни помянутыхъ праздниковъ, равно какъ и въ дни св. Пасхи и Преображенія, съ какимъ радостнымъ чувствомъ спѣшили, бывало, мы изъ церкви домой, зная, что по окончаніи обѣдни, въ сопровожденіи церковнаго причта, придетъ батюшка въ эпитрахили и, ступивъ за порогъ своего дома, начнетъ пѣть тропарь праздника или же ирмосъ девятой пѣсни утренняго канона! Что-то особенное чувствовалось въ душѣ при этомъ пѣніи и нѣкоторой торжественности домашней обстановки. Услышавъ праздничное пѣніе, всѣ домашніе опять собирались въ главный покой, прикладывались ко кресту (а на Пасху и христосовались съ отцомъ) и начиналось взаимное привѣтствіе, заканчивавшееся угощеніемъ со стороны хозяина.— Такимъ образомъ все въ домѣ отца моего, такъ сказать, проникалось радостію праздника и самымъ непринужденнымъ способомъ приучалось къ набожности и уваженію благочестивыхъ обычаевъ.

Нельзя при этомъ не вспомнить и того радушнаго гостепріимства, какое находили въ домѣ отца моего сосѣди и знаемые, платившіе радушному хозяину съ своей стороны взаимностію и даже нѣкоторымъ предпочтеніемъ ему предъ прочими сосѣдями.— Не проходило, сколько мнѣ помнится, ни одного воскреснаго или праздничнаго дня безъ того, чтобы не заѣхалъ къ отцу кто-либо изъ знакомыхъ или нарочно, или мимоходомъ. Появленіе жданныхъ и нежданныхъ гостей въ домѣ отца всегда

¹ Принесшій эту, такъ называемую въ Малороссіи, *вечерю*, хлопецъ или дитина обыкновенно приговаривалъ: „просить тато й мама на вечерю, й я прошу“, за что получалъ словесную благодарность отъ принявшаго приносимое, и въ миску, въ которой принесена вечеря, клалась просфора, какъ взаимный даръ священника семейству принесшаго.

сопровождалось заботою объ угощеніи ихъ. Дѣйствительно ли чувствовалась потребность утолить голодъ или жажду прибывшаго гостя,—только непременно начиналась суета и бѣготня въ домѣ. Хозяинъ дома между тѣмъ, по обычаю своему, велъ съ посѣтителемъ бесѣду о разныхъ предметахъ, или же завязывалось нѣчто въ родѣ диспута о какомъ либо предметѣ, большею частію религіозномъ, при чемъ вызывались на сцену съ своими школьными познаніями и сыновья отца или гостя, если гость являлся съ своими птенцами. Дѣло такимъ образомъ часто тянулось довольно долго и послѣ неизбежнаго чаю (варившагося въ то время въ чайникѣ; самовары были еще рѣдкостію въ деревнѣ) и сельской закуски, оканчивалась бесѣда иногда пѣніемъ, къ которому отецъ мой былъ большой охотникъ, не смотря на слабость своего голоса. Предметомъ пѣнія обыкновенно бывали пѣсни церковныя, но слышались иногда и народныя, чаще же всего такія, какія выносились изъ школъ тогдашняго времени. Образчики этихъ пѣсней сохранились у меня въ рукописи, писанной рукою отца на сѣрой толстой бумагѣ.

Невольно припоминается при этомъ слышанная мною въ школѣ, уже въ мое время — въ 40-хъ годахъ, русская пѣсня: «Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучать». То, сколько помнится, не былъ какой-либо дикій разгулъ, неприличный вообще порядочнымъ людямъ, а тѣмъ болѣе облеченнымъ въ санъ священный, а въ этихъ угощеніяхъ и пѣсняхъ высказывалось нѣкоторое довольство и благодушіе, которое, и по словамъ Апостола Христова, располагаетъ къ пѣпію (Іак. 5, 13). Слышались нерѣдко пѣсни грустныя, на примѣръ: «Суетенъ будешь ты, человѣкъ, если забудешь краткій свой вѣкъ»... или: «Темна ничка та невидная,—головоньео жъ моя бидная»... Но все таки пѣлось и какъ-то весело жилось нашимъ старикамъ.

Не мало сохранилось въ моей памяти воспоминаній еще о другихъ добрыхъ обычаяхъ того недавняго времени, въ которое жилъ и священствовалъ родитель мой. Можно пожалѣть, что новое поколѣніе забываетъ похвальныя дѣла и добрые обычаи

своихъ предковъ. А этихъ добрыхъ обычаевъ было не мало. Такъ напрімѣръ: когда прїѣзжалъ къ намъ кто-либо изъ священниковъ, отецъ непременно требовалъ, чтобы дѣти его, бывшія на лице, тотчасъ подходили къ духовному лицу принять отъ него пастырское благословеніе.—Этотъ добрый обычай не согласнѣ ли съ правильными отношеніями дѣтей и вообще мірянъ къ духовнымъ пастырямъ, чѣмъ, принятое теперь во многихъ христіанскихъ семействахъ, шарканье ногами или подача руки священнослужителю?

Заходила ли съ посѣтителями нашего дома рѣчь о чемъ либо недоступномъ пониманію дѣтей или неподходящемъ дѣтскому ихъ возрасту;—отецъ сейчасъ посылалъ, присутствовавшихъ при гостѣ, чадъ своихъ погулять на дворѣ, или посмотрѣть, что дѣлается на кухнѣ, либо въ огородѣ. Не гораздо ли разумнѣе такая мѣра воспитанія, чѣмъ фальшивый либерализмъ, позволяющій нѣкоторымъ родителямъ и воспитателямъ современнаго намъ юношества не стѣсняться присутствіемъ дѣтей, во время своихъ либеральныхъ сужденій о предметахъ вѣры и нравственности или же общественнаго устройства?

Когда наступала лѣтняя рабочая пора, ни одинъ изъ членовъ нашей семьи не оставался безъ дѣла. Каждый, по распоряженію отца, имѣлъ свою работу: кто долженъ былъ, (часто пѣшкомъ) навѣдаться въ поле къ рабочимъ, кто, посмотрѣть сѣнокосъ или созрѣваніе хлѣба, кто — приготовить или отвезти продовольствіе работникамъ, кто — заняться счетомъ копенъ на полѣ или сноповъ, привозимыхъ на гумно, да и самъ принимать дѣятельное участіе при укладкѣ ихъ въ стѣги, или—сѣздить на хуторъ, гдѣ стояла пасѣка и произрастали плоды древесные, или отправиться на базаръ за какими либо припасами для хозяйства. И круто приходилось тому, кто почему либо уклонялся отъ назначенной ему работы, или любилъ покой вмѣсто дѣятельности. Особенно не любилъ покойный сонливости, неповоротливости и мрачнаго настроенія духа. Оставались свободными отъ урочныхъ занятій только малолѣтніе братья мои и сестры. Но и они иногда, вмѣсто игры, приглашаемы

были отцомъ вмѣстѣ съ нимъ искоренять тернія и волчцы, или собирать ягоды въ саду либо огурцы въ огородѣ. Не лучшій ли это способъ заохочиванья дѣтей къ труду и приученія ихъ къ полезной дѣятельности? И, не смотря на свою нѣкоторую суровость, не гораздо ли выше этотъ урокъ трудолюбія, чѣмъ модное снисхожденіе, къ такъ называемой, слабости дѣтскихъ силъ и потворство празднoлюбію, къ которому вообще такъ склонны отроки и юноши съ юницами?

Каковъ былъ отецъ Ілія по отношенію къ своему приходу и какова была служебная дѣятельность его, какъ протоіерея и благочиннаго, объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать офіціалныя бумаги, вѣроятно, хранящіяся въ архивахъ липовецкаго духовнаго правленія и кіевской духовной консисторіи. Я же съ своей стороны нахожу достаточнымъ вспомнить здѣсь только нѣкоторые факты, относящіеся къ служебной дѣятельности отца моего и говорящіе о его вліяніи на прихожанъ.

Меня, напримѣръ, всегда пріятно поражало какое-то особое почтеніе дашевскихъ прихожанъ къ своему пастырю. Выходитъ ли онъ, бывало, изъ своего дому въ церковь на богослуженіе набожные прихожане новодашевской церкви, собравшіеся заблаговременно на церковную службу и сидѣвшіе на камняхъ передъ церковною оградою, какбы по командѣ, всѣ вставали съ мѣстъ своихъ еще на довольно значительномъ разстояніи. Проѣзжалъ ли онъ черезъ мѣстечко или ходилъ по приходу;— жители Дашева не только новаго, но и стараго, встрѣчавшіеся на дорогѣ, даже евреи, составляющіе значительную часть населенія мѣстечка, заявляли обычными знаками почтенія особое, какъ мнѣ казалось, вниманіе къ духовному представителю новодашевской паствы. Безъ сомнѣнія, вы на святой Руси вездѣ встрѣтите подобающее духовнымъ отцамъ почтеніе. Но вниманіе жителей Дашева къ о. Іліи представлялось мнѣ чѣмъ-то выше обыкновеннаго вниманія.

Таково же было отношеніе къ нему прихожанъ и во время какой-либо «рады» (народной сходки), было ли то возлѣ храма или на полѣ. Какъ-то умѣлъ онъ вліять на сходъ народный

не только сказаннымъ кстати словомъ, нерѣдко какою-либо присказкою, но даже своимъ личнымъ присутствіемъ.

Нельзя при этомъ не вспомнить и того, что, благодаря пастырскому слову и содѣйствію покойнаго протоіерея, при церкви св. Онуфрія существовало и развивалось духовное братство, но примѣру братствъ въ другихъ мѣстахъ, состоявшее изъ почетныхъ прихожанъ, которые своимъ посильнымъ участіемъ поддерживали церковную школу и заботились о благолѣпіи своего храма. Братство имѣло при церкви свою братскую кружку, въ которой хранились вклады братчиковъ и пожертвованія dobroхотныхъ дателей на пріобрѣтеніе церковной утвари, книгъ для школы, и на украшеніе храма. Памятны для меня между прочимъ эти длинныя толстыя восковыя свѣчи желтаго и зеленаго цвѣта, съ которыми, присутствовавшіе при богослуженіи, члены братства выходили на средину храма и становились передъ олтаремъ полукругомъ во время обѣдни или же въ два ряда—отъ главныхъ дверей до иконостаса, во время литіи предъ поліелейными праздниками. Эти домашней работы свѣчи своимъ свѣтомъ придавали богослуженію значительный видъ торжественности, особенно на всенощной, совершавшейся обыкновенно по закатѣ солнца въ сумерки, или же рано утромъ до разсвѣта.

Не лишеннымъ интереса для меня казалось и празднованіе дня воздвиженія креста Господня, который считался праздникомъ братства. По обыкновенію отцемъ Іліею совершались всенощное и обѣдня, на которыхъ присутствовали всѣ члены братства, зажигались всѣ братскія свѣчи и надѣвались церковныя облаченія, пріобрѣтенныя на суммы братства и выбранныя по вкусу братчиковъ. По окончаніи обѣдни, служили обычный молебень и, при возглашеніи отцемъ многолѣтія Государю и всѣмъ православнымъ христіанамъ, избранные члены братства подымали, стоявшіи во все время богослуженія предъ братскою иконою, «кухликъ» съ варенымъ медомъ и, держа его на своихъ ладоняхъ, сложенныхъ на крестъ, воздвигали нѣсколько разъ предъ своимъ образомъ Воздвиженія. Затѣмъ, вышедши

изъ храма, отецъ благословлялъ братскую трапезу, уготованную въ оградѣ храма на подобіе «вечери любви». Тутъ же за трапезою шла оживленная бесѣда о дѣлахъ братства или прихода и дѣлалась складчина на увеличеніе братской кружки. А отецъ между тѣмъ не упускалъ случая сказать не хитрое, но приличное обстоятельствомъ, поученіе, какъ это всегда онъ дѣлалъ, при совершеніи литургіи въ воскресные и праздничные дни. Должно впрочемъ замѣтить, что во дни священства моего отца еще не вошло въ силу самостоятельное проповѣданіе слова Божія народу, а читались обыкновенно или проповѣди синодальныя, хранившіяся при церквахъ, или же поученія, появлявшіяся уже на моей памяти въ сборникахъ, какъ напримѣръ поученія Путятина и подоб. Вообще отецъ Ілія не былъ равнодушенъ къ дѣлу проповѣдничества и дѣйствовалъ по своему крайнему разумѣнію и въ силу укоренившагося обычая. Приобрѣтенное въ школѣ знаніе латыни было въ большомъ ходу, въ домашней бесѣдѣ съ присными и знаемыми, а живое, сообразное времени и обстоятельствамъ, собесѣдованіе съ своими прихожанами оставалось еще дѣломъ непривычнымъ.

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы старики наши не умѣли или не хотѣли писать. Стихи или, какъ тогда говорили, «виршу», на какой-либо праздникъ церковный или семейный—отецъ, бывало писалъ бойко, плавно, даже остроумно; а составить самостоятельную проповѣдь—казалось лишнимъ трудомъ, потому что были въ церкви готовыя поученія на разные дни и случаи. По крайней мѣрѣ и то хорошо, что отецъ умѣлъ изъ нихъ дѣлать выборъ и по мѣстамъ импровизировалъ. За то въ совершеніи богослуженія, которое для народа имѣетъ значеніе проповѣди, отецъ былъ, можно сказать, неподражаемъ.

Нерѣдко случалось, что, во время отлучекъ куда либо на слѣдствіе, по распоряженію духовнаго начальства, или же во время болѣзни отца, приглашаемъ былъ кто либо изъ сосѣднихъ, свободныхъ отъ службы, священниковъ (здѣсь я съ благодарностію долженъ помянуть имя почтеннаго старца іерея Михаила П—го, бывшаго при заштатномъ приходѣ села Ша-

бельной, который часто заступалъ мѣсто отца моего) для богослуженія въ новодашевскомъ храмѣ. Но прихожане новодашевскіе, довольные конечно, тѣмъ, что въ праздничный день не остались безъ службы Божіей, всегда высказывали сожалѣніе, что не служилъ въ церкви «свой» батюшка. Долговременная ли привычка къ одному извѣстному тону богослуженія, или же другое что заставляло новодашевскихъ прихожанъ сожалѣть объ отсутствіи «своего» батюшки; только дѣйствительно, сколько мнѣ помнится, какъ будто особый отличительный характеръ получала церковная служба, когда совершалъ ее самъ о.Илія. Голосъ тихій, но выразительный, и чтеніе (особенно Евангелія) благоговѣйное—производили на присутствовавшихъ какое-то особенное впечатлѣніе и невольно располагали къ благоговѣнію. И надобно было nobывать въ новодашевскомъ храмѣ въ то время, когда отецъ, напримѣръ, на литургіи преждеосвященныхъ съ кадиломъ въ рукѣ предъ престоломъ пѣлъ одинъ: «да исправится молитва моя»... или предъ плащаницею среди храма пѣвалъ тоже одинъ: «Благообразный Іосифъ», а также ирмосы погребенію Христову: «волною морскою»... Безъ сомнѣнія, многіе изъ пастырей Церкви русской пѣвали и поютъ теперь гораздо искуснѣе моего отца. Но рѣчь идетъ здѣсь не объ искусствѣ, а о томъ впечатлѣніи или, пожалуй, влияніи, какое своимъ пѣніемъ и дѣйствіемъ при богослуженіи производилъ отецъ мой на своихъ прихожанъ, и какое доселѣ сохранилось въ моей памяти.

При этомъ нельзя не упомянуть о той чинности и, такъ сказать, дисциплинѣ церковной, какую сохраняли, по внушенію отца Ілія, его прихожане, напримѣръ, во время исповѣди и причащенія св. таинъ. Доселѣ живо представляется мнѣ, какъ исповѣдывавшіеся въ великій постъ новодашевскіе прихожане на цыпочкахъ подходили къ дверямъ храма, прислушиваясь, не выходитъ ли предшественникъ, чтобы тотчасъ послѣдовать за нимъ къ св. кресту за очищеніемъ совѣсти. Никто не смѣлъ войти въ храмъ прежде, чѣмъ кончитъ свою исповѣдь уже приступившій къ таинству. Всѣ должны были или

на дворѣ или въ притворѣ ожидать своей очереди. Такое распоряженіе о. Или было полезно и для него самого, исповѣдывавшаго своихъ прихожанъ, съ которыми необходимо иногда бесѣдовать громче обыкновеннаго, и для исповѣдывавшихся, которые могли не смущаться близкимъ присутствіемъ стороннихъ свидѣтелей, и слѣдовательно быть откровеннѣе предъ своимъ отцомъ духовнымъ. Когда же наступала пора св. причащенія, отецъ распоряжался такъ: предъ произнесеніемъ словъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», дверцы въ перегородкѣ предъ олтаремъ, ведущія прямо къ царскимъ вратамъ, заворялись пономаремъ; церковный же староста или «ключникъ» долженъ былъ стать у сѣверныхъ дверей, и впускать по порядку говѣвшихъ, такъ, чтобы, пока одинъ благоговѣнно принимаетъ св. дары, другой уже былъ на готовѣ, предварительно положивши предъ мѣстною иконою Богоматери три земныхъ поклона. Такимъ образомъ устранялась, часто неизбѣжная при многолудствѣ, толкотня, вообще неприличная въ храмѣ Божиѣмъ, тѣмъ болѣе непристойная во время св. причащенія. И новодашевскіе христіане приступали къ чашѣ евхаристіи дѣйствительно съ подобающимъ таинству благоговѣніемъ, сложя руки крестообразно на груди, какъ изображенъ на храмовый иконѣ св. Онуфрій, причащающійся отъ рукъ ангела. На этотъ-то образъ чаще всего и указывалось причащающимся, если нѣкоторые изъ нихъ почему либо затруднялись точно исполнить слова пастыря.

Тоже благочестіе наблюдалось и при освященіи воды и при раздаяніи вай въ вербное воскресенье. Не помнится мнѣ, чтобы почерпаніе агіасмы или полученіе вербы на утрени недѣли цвѣтоносной сопровождалось какимъ либо безобразнымъ шумомъ или спорами между получающими церковное освященіе. Если у иныхъ нетерпѣливыхъ женщинъ или молодежи появлялись порывы къ предупрежденію другихъ,—достаточно было одного, самого спокойнаго, замѣчанія батюшки касательно очереди, чтобы прекратить начинавшійся беспорядокъ. И если въ подобныхъ случаяхъ довольно было словъ по-

койнаго батюшки, безъ крику и полицейскихъ мѣръ; то, значитъ въ его словѣ, нерѣдко во взглядѣ, была какая-то нравственная сила, непреодолимо дѣйствовавшая на прихожанъ.

Еще одно обстоятельство: помнится мнѣ, что на одномъ изъ столбовъ колокольни новодашевской прибита была желѣзная петля такого устройства, что, заложивъ въ нее кисть руки, можно было продержать человѣка определенное время, какъ на привязи. Этотъ-то, такъ сказать, открытый карцеръ служилъ орудіемъ, сдерживавшимъ грубое невѣжество отъ вопіющихъ беззаконій. Разъ какъ-то и пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ, что провинившаяся въ чемъ-то женщина простояла нѣсколько часовъ привязанною къ этому орудію казни, которое называлось тогда «куна». И надобно было видѣть, какое печальное выраженіе было на лицѣ осужденной, и какіе тревожные толки велись между свидѣтелями этой печальной картины! Явно, что подобнаго рода взысканіе было остаткомъ средневѣковыхъ истязаній, перешедшихъ въ наши западныя губерніи изъ странъ католицизма и совершенно несвойственныхъ духу Церкви Христовой. Тутъ впрочемъ не отецъ мой распоряжался этою пыткой, а производилась она по приговору міра. Таково было время, требовавшее свойственной его направленію дани!. Во всякомъ случаѣ, по теперешнимъ понятіямъ правительства и общества, нельзя въ этомъ оправдать отца Илію, допустившаго подобное явленіе въ своемъ приходѣ. Это впрочемъ темное пятно въ моихъ воспоминаніяхъ. А тѣни бываютъ неизбежны и на самыхъ свѣтлыхъ изображеніяхъ.

Въ отношеніи къ благочиннической дѣятельности о. Иліи Діевского прежде всего помяну добрымъ словомъ тѣ «соборники», которые производились у него во дни его благочинія, по поводу письменныхъ и денежныхъ отчетовъ, представлявшихся отъ причтовъ 14-ти церквей, подвѣдомственныхъ ему, какъ благочинному 4-й части липовецкаго уѣзда. Эти «соборники» бывали обыкновенно въ домѣ отца на третій день Рождества Христова. Около одиннадцати или двѣнадцати часовъ утра 27 декабря начинался съѣздъ подвѣдомственныхъ отцу сель-

скихъ причтовъ, и дворъ нашего дома представлялся мнѣ подобіемъ ярмарочной площади. Прибывшіе на соборъ священники, дьячки и церковные старосты тотчасъ приступали къ сдачѣ годовыхъ отчетовъ о свѣчномъ доходѣ, о копельковыхъ, вѣнчиковыхъ, въ пользу гроба Господня и другихъ церковныхъ сборахъ. Операція продолжалась до поздняго вечера въ порядкѣ прибытія членовъ церковнаго съѣзда. Вѣдомости 14-ти церквей цѣлый день шелестѣли при пересмотрѣ, деньги большею частію въ серебрѣ и мѣди звенѣли разнообразно и складывались особыми кучками и правильными рядами на столахъ и на полу. Эти ряды особенно мнѣ памятливы, потому что часто приходилось повѣрять ихъ, и руки мои отъ счету «мѣдяковъ» покрывались зеленью, почему-то меня тогда занимавшею, и своимъ запахомъ не совсѣмъ пріятно дѣйствовавшею на мое обоняніе. Отецъ мой, суетясь цѣлый день около вѣдомостей и отчетовъ, видимо бывалъ утомленъ, и потому отчетность необходимо была прерываема по временамъ бесѣдою съ кѣмъ либо изъ причтовъ о хозяйствѣ или же о ярмаркѣ, обыкновенно бывшей по очередно каждое воскресенье на базарной площади новаго или стараго Дашева, или же въ мѣстечкѣ Китайгородѣ, сосѣднемъ съ Дашевомъ. Вечеромъ уже, по окончаніи счетовъ, ставились въ нашемъ домѣ столы, и члены соборика угощаемы были со стороны хозяина дома братскою трапезою, для которой впрочемъ гости сами привозили съ собою часть продуктовъ. Но дѣятельность благочиннаго не оканчивалась однимъ днемъ работы. Еще двѣ—три недѣли продолжались занятія по составленію благочинническихъ вѣдомостей, повторялась повѣрка денежныхъ взносовъ и дѣлались приготовленія къ доставленію годовыхъ отчетовъ въ липовецкое духовное правленіе.

Здѣсь я съ благодарностію долженъ вспомнить о дьячкѣ бѣднаго села Крыштоповки Павлѣ Бѣленькевичѣ, который, съ малолѣтства будучи выученъ отцомъ моимъ вести официальные отчеты, и даже въ почеркѣ совершенно подражалъ отцу, много облегчалъ утомительную работу своего благочиннаго. Съ какимъ тщаніемъ, бывало, этотъ труженикъ письмо-

водства переписывалъ вѣдомости, щелкалъ на счетахъ, разграфливалъ листы для вѣдомостей и даже иногда ради вѣщей красоты расписывалъ ихъ бордюромъ! Не говорю уже о дневной работѣ, которая прерывалась только временемъ обѣда или закуски. Рано утромъ до разсвѣта не успѣешь, бывало, проснуться, смотришь, — сидитъ Бѣленькевичъ съ моимъ батюшкой за длиннымъ столомъ, который весь устланъ книгами и бумагами. Сальная свѣча слабо мерцаетъ, а они вдвоемъ скрипятъ гусиными перьями, пиша по тогдашнему столбцами — по черкомъ стариннымъ, за то очень разборчивымъ, четкимъ и удобнымъ для чтенія.

Скучною казалась мнѣ эта кропотливая переписка, тѣмъ болѣе, что она продолжалась цѣлыя недѣли сряду. За то какая радость сіяла на лицахъ письмоводовъ, когда они оканчивали свою работу! За нѣсколько дней до отсылки денегъ, обыкновенно являлся въ домъ нашъ старый, съ длинною сѣдою бородой и въ неизбѣжной у провинціальныхъ сыновъ Израиля плисовой ярмолекѣ, Янкель, развертывалъ свой портъ-моне, связанный веревочкой, и отсчитывалъ потребное количество сребренниковъ или же бѣлыхъ и синихъ ассигнацій, въ замѣнъ и запромѣнъ которыхъ бралъ себѣ соответствующее количество мѣдяковъ, сваливая красовавшіеся на полу ряды денегъ въ свой длинный, узенькій мѣшочекъ. Совершивъ всѣ необходимыя приготовленія, отецъ или самъ везъ или чрезъ уполномоченныхъ отсылалъ въ духовное правленіе, собранную отъ 14-ти церквей его благочинія, лепту на пользу Церкви и служителей ея.

Ему же, какъ благочинному, отъ епархіальнаго начальства поручаемо было довольно часто производить слѣдствія не только въ липовецкомъ, но и въ другихъ уѣздахъ кievской епархіи; и онъ производилъ эти слѣдствія съ особеннымъ успѣхомъ, такъ что пріобрѣлъ извѣстность въ свое время, какъ опытный слѣдователь. — За свою 18-лѣтнюю благочинническую службу онъ награжденъ былъ саномъ протоіерея, что въ его время было не малою рѣдкостію для сельскихъ священниковъ, и синадальною скуфьею, которою онъ очень дорожилъ.

Такимъ образомъ въ служебной жизни о. Иліи исполнялись слова поэта Державина:

«Не лучше ль менѣе извѣстнымъ, да болѣе полезнымъ быть?
Подобаясь ручейкамъ прелестнымъ, поля, луга, сады кропить?
И тихимъ вдалекѣ журчаньемъ потомства привлекать вниманье?»

Но мои воспоминанія о лучшихъ годахъ жизни моего отца были бы далеко не полны, если бы я не занесъ въ нихъ еще одного историческаго событія. Извѣстно, что въ 1830, какъ и въ 1863 году, безпокойные поляки подняли знамя возстанія и думали возобновить, бывшую въ царствованіе Екатерины II-й, барскую конфедерацію. Это польское повстанье обнаружилось между прочимъ и въ Дашевѣ, куда до начала повстанья съѣзжалось немалое число пановъ и подпанковъ изъ сосѣднихъ съ Дашевомъ селъ и мѣстечекъ. Въ Дашевѣ давно уже ходила молва о предполагавшейся польской затѣѣ. Не укрылось и то, что многіе изъ мирныхъ жителей стараго и новаго Дашева, особенно фабричные и ремесленники, обольщенные самонадѣянными агитаторами, записались въ число повстанцевъ ¹. И доселѣ живо представляется мнѣ пожаръ, случившійся какъ разъ въ день именинъ моего отца, 20 іюля. Горѣла, находившаяся на берегу рѣки Сѣби, «кузница», въ которой, какъ толковалъ народъ, приготовлялись мечи и косы для будущихъ меченосцевъ и косиньеровъ.—

Отецъ мой, слыша, можетъ быть, многое о предстоящей исторіи, не считалъ нужнымъ оглашать это въ своемъ семействѣ, чтобы преждевременною огласкою не надѣлать дома тревоги, да можетъ быть и увѣренъ былъ въ несостоятельности панской затѣи. Наконецъ, въ субботу (какого числа и мѣсяца, къ сожалѣнію, не сохранилось у меня свѣдѣній) базарная площадь новаго Дашева, и дороги, ведущія къ выѣзду изъ мѣстечка, буквально загромождены были разнаго рода повозками и крытыми экипажами, въ которыхъ кучами сидѣли жены и дѣти поляковъ, вѣроятно, въ ожиданіи результатовъ начатаго возстанія. Жители Дашева, пораженные невидимымъ ими доселѣ съѣздомъ, а еще болѣе напуганные

разными слухами, обыкновенно распространяемыми въ подобныхъ случаяхъ, спѣшили прятать, куда могли, свое имущество и, бросая свои жилища, искали убѣжища въ близъ лежащемъ лѣсу и на хуторахъ, которыхъ немало въ окрестностяхъ Дашева. Отецъ, по долгу пастыря, естественно долженъ былъ усноковивать взволнованныхъ прихожанъ своихъ и, чтобы подать имъ примѣръ бодрости, рѣшилъ, несмотря ни на какія опасности, оставаться дома,—распорядившись только, чтобы все движимое имущество перенесено было изъ дому въ свой домашній погребъ для избавленія отъ пожара, предполагавшагося въ случаѣ сожженія мѣстечка.

Вѣренъ ли былъ расчетъ моего отца въ подобномъ случаѣ, не могу сказать; только меня особенно какъ-то удивило, когда я, въ то время еще мальчикъ безпечный, какъ всѣ отроки, возвратясь въ ту памятную субботу отъ пастуха ягнать домой, увидѣлъ наше жилище совершенно опустѣвшимъ, а матушку мою съ прочими членами семейства и прислугою суетившеюся около погреба. Гдѣ батюшка? спрашиваю, и хотѣлъ было похвалиться, что я видѣлъ на бѣлыхъ и сѣрыхъ коняхъ гарцовавшихъ въ полѣ всадниковъ. «Пошелъ», говорятъ, «въ церковь къ вечерни». Утомленный бѣготнею въ степи за ягнятами, сѣлъ я у входа въ погребъ. Слышу—выстрѣлъ.. одинъ.. другой.. десятый.. Вскочилъ я съ своего мѣста, — смотрю.. (а надо замѣтить, что домъ нашъ и дворъ для наблюдевій были въ довольно выгодной позиціи: со двора нашего видны были—главная дорога изъ мѣстечка въ поле, гдѣ предполагалась баталія, и базарная площадь, какъ на ладонѣ),—смотрю.. экипажи, которые видѣлъ я утромъ стоявшими неподвижно по дорогѣ, засуетились и поспѣшили убѣжать, куда глаза глядятъ; появилось множество всадниковъ съ «хореньговками», какъ тогда говорили; бѣгаютъ изъ одного конца мѣстечка въ другой; наконецъ

¹ Послѣ уже, по усмиреніи мятежа, нерѣдко въ случаяхъ спора и личныхъ неудовольствій между жителями Дашева нѣкоторымъ изъ нихъ посылалось слово упрека: „мятежники“.

столпились на площади, и явно слышенъ былъ призывный вопль: «за ojczyznę, paowie, за ojczyznę!» а этому воззванію вторилъ голосъ недовольства и безнадёжности: *niech diabet cię weznie z twoią ojczyzną! do lasu, paowie, do lasu!* То былъ, какъ послѣ объяснилось, призывный голосъ командовавшаго дашевскимъ отрядомъ повстанцевъ, пана Колыски, и отвѣтъ ему подчиненныхъ. Не болѣе впрочемъ, какъ полчаса, продолжалась суматоха въ мѣстечкѣ. Скоро она стала затихать,—и густое облако пыли отъ бѣжавшихъ повстанцевъ и преслѣдовавшихъ ихъ войскъ нашихъ стояло надъ Дашевомъ.

По закатѣ солнца, отецъ мой пришелъ изъ церкви домой, но уже не одинъ, а въ сопровожденіи русскаго командира, кажется, г. Роте, который успокоилъ наше семейство пріятною вѣстью,—сказавъ: «погнали мятежниковъ къ Галиціи! не бойтесь!»—Снова поднялась суeta въ домѣ нашемъ. Но она была уже другаго свойства, чѣмъ первая: началось передвиженіе имущества изъ погреба обратно въ комнаты, съ отрадною мыслию, что опасность миновала и мирная жизнь пойдетъ своимъ чередомъ.

Г. командиръ почевалъ у насъ и гостилъ нѣсколько дней. На другой день, послѣ изгнанія поляковъ, домъ нашъ и все мѣстечко представляли совершенно новую картину. Жители м. Дашева стали возвращаться въ свои жилища; вездѣ по площадямъ и улицамъ, устѣяннымъ соломою и сѣномъ, какъ бываетъ иногда послѣ большой ярмарки, находимы были и подбираемы охотниками пули и ядра ¹, а то и болѣе цѣнныя вещи, наприм. часы карманные и даже столовые ²; взамѣнъ польскихъ жолнеровъ и вѣчей съ каретами—то и дѣло—сновали по мѣстечку русскіе солдаты и военный фуражъ. Даже домъ отца моего, какъ домъ священника, по закону свободный отъ воин-

¹ Нѣсколько ядеръ, найденныхъ на нашемъ огородѣ и на площади возлѣ церкви, служили долго пособіемъ въ хозяйствѣ, примѣтъ бѣлыя.

² Два или три экземпляра подобныхъ часовъ были жителями принесены въ домъ отца и нѣсколько времени красовались въ нашихъ комнатахъ.

скаго постоя въ мирное время, переполненъ былъ людьми военными и лошадьми; на дворахъ другихъ жителей и на площади мѣстечка разложены были костры, на которыхъ пеклось и варилося все, что попадалось подъ-руку побѣдителей, очистившихъ мѣстечко отъ мятежниковъ. Помѣщики же Дашева и ихъ управители нѣсколько недѣль не возвращались «во-свояси», а отецъ мой получилъ отъ военного начальства полномочіе распоряжаться дѣлами имѣнія графовъ Потоцкихъ, до ихъ возвращенія. И, можетъ быть, благодаря вліянію о. Или на жителей Дашева, богатое имѣніе ясновельможныхъ не потерпѣло окончательнаго разоренія уже отъ своихъ домашнихъ доброжелателей, которые, по слабости человѣческой, не прочь при случаѣ попользоваться чужимъ добромъ. Можетъ быть, это обстоятельство и было причиною того, что ксендзъ Діевскій, какъ величали паны отца моего, до конца остальной жизни своей пользовался значительнымъ почетомъ и вниманіемъ со стороны оставшейся послѣ мятежа владѣлицы Дашева, О. П—ой, и многихъ изъ ея управителей. Такъ, напримѣръ, въ день Богоявленія владѣлица Дашева, хотя была римско-католическаго исповѣданія и имѣла при своихъ палатахъ домовую церковь и священника, непременно приглашала «ксендза Діевскаго» окропить ея палаты св. водою и прилично вознаграждала за требоисправленіе. Также предоставляемо было отцу пользоваться нѣкоторыми угодьями и льготами въ дѣлѣ веденія его хозяйства.

1833 года, 13 декабря, рано утромъ пробужденъ я былъ шумомъ и суетой домашней прислуги, которая сообщила мнѣ ужасную вѣсть:—не стало въ живыхъ нашей любимой матушки!.. Пораженный, какъ громомъ, страшною вѣстію, я поспѣшилъ въ комнату, гдѣ наканунѣ больная, послѣ родовъ лежавшая въ постели, могла еще бесѣдовать съ окружавшими ее. Докторъ Симашко, бывшій въ тотъ день у больной и извѣстный близостію къ дому отца, успокаивалъ насъ увѣреніемъ, что *pani będzie jeszcze kawony i melony*.—Боже мой! какая печальная картина семейная доселѣ рисуется въ моей памяти!.. Понять всю силу грусти, давящей человѣка, при видѣ подобной картины, мо-

жетъ только тотъ, кто самъ съ чувствомъ родственной любви стоялъ когда-либо хотъ разъ возлѣ умершаго роднаго. Я засталъ еще обычное омовеніе умершей матери. Старшія сестры мои, проснувшіяся прежде меня, плакали навзрыдъ, а отецъ стоялъ молча, неподвижно, скрестивши руки, и въ какомъ-то тяжеломъ раздумьи. Тогда, по своей дѣтской натурѣ, я тотчасъ присталъ къ маленькому хору плакавшихъ сестеръ и не понималъ страшной грусти и великой думы моего батюшки. Теперь только, при воспоминаніи этой сцены, и нѣсколько знакомый съ жзню, я могу себѣ представить, о чемъ была эта тяжелая дума, и что значила эта грустная неподвижность твоя, отецъ мой, могшая со стороны показаться стоическимъ равнодушіемъ. Довольно при этомъ вспомнить существующій доселѣ законъ, по которому запрещается овдовѣвшему священнику избирать себѣ подругу жизни и помощницу въ хозяйствѣ, — довольно представить себѣ участь семейства, лишившагося истинной матери—кормилицы и воспитательницы, чтобы хотъ отчасти постигнуть силу чувства, овладѣвшаго человѣкомъ, на единственныхъ рукахъ и плечахъ котораго оставались теперь—и значительное хозяйство, требовавшее постоянного присмотра, и шесть душъ дѣтей малъ-мала меньше (послѣднему Ивану было всего девять дней), и священническія обязанности и благочинническая должность.

Съ этого роковаго дня нашей семьи—13 декабря—начинается поворотъ въ жизни моего отца, продолжавшійся еще 15 лѣтъ. Этотъ періодъ его жизни можно назвать временемъ скорбей. Бывали, правда, и въ это тяжелое время минуты отрадныхъ; но онѣ были похожи на мимолетныя явленія солнца среди постоянно-пасмурной и дождливой погоды, или походили на извѣстные въ географіи оазисы, встрѣчающіяся среди знойной и скучной пустыни.

Въ слѣдующій по смерти матери нашей годъ наступила для отца пора снаряжать въ училище одного сына, затѣмъ другаго, третьяго. Подросли дочери и стали выходить замужъ, оставляя одна за другою кровь родной. Такимъ образомъ отецъ нашъ съ года на годъ долженъ былъ все болѣе и болѣе испы-

тывать тяжелое состояніе одипочества, и потому нерѣдко было застать скоро посѣдѣвшаго пастыря новодашевской церкви сидящимъ дома въ грустной задумчивости, часто въ слезахъ, ватевшихся по его исхудалому лицу. Особенно тяжело становилось на душѣ, когда, во время прїѣзда изъ училища домой на зимніе, весеніе или лѣтніе каникулы, присутствуешь бывало, по заведенному обычаю, при чтеніи молитвъ домохадцамъ или при пѣніи тропарей и ирмосовъ праздничныхъ. Молитва не кончалась безъ слезъ, и пѣніе причта сопровождалось всегда плачемъ старика—отца, не смотря на видимое его усиліе подавить въ себѣ тяжелое чувство скорби и печали. Таже исторія повторялась и при разговорѣ съ посѣтителями, когда рѣчь заходила о прежнихъ дняхъ его жизни, еще чуждой разныхъ нуждъ и лишеній. Даромъ не могли течь слезы изъ глазъ человѣка, по природѣ своей вообще неслезливого и съ малолѣтства знакомаго съ суровостію жизненныхъ обстоятельствъ.

Думаю, никому неинтересно знать печальную обстановку домашней жизни нашей семьи, начавшуюся днемъ смерти матери семейства. Но я долженъ сказать, что, когда не стало хозяйки дома, все въ домѣ нашемъ приняло иной видъ противъ прежняго. На всемъ домѣ во всѣхъ его частяхъ легла какая-то печать унынія и грусти. И домикъ, благопріобрѣтенный въ первые годы священства отца, какъ будто покривился и сталъ клониться къ разрушенію; и хозяйство, бывшее прежде довольно значительнымъ, пошло къ упадку. Началъ постепенно умолкать голосъ довольства и веселія, а чаще и чаще сталъ слышаться голосъ вѣщей птицы и тоскливый вой домашнихъ собакъ, которыя какъ будто сознательно чувствовали, что въ домѣ не достаетъ чего-то. Словомъ—начался рядъ лишеній и печалей, ¹ преждевременно (на 49 году жизни) низведшихъ въ

¹ Въ послѣдніе годы своей жизни отецъ мой особенно часто любилъ припоминать свой разговоръ съ покойнымъ митрополитомъ кievскимъ Евгеніемъ, который однажды, при обозрѣніи епархіи, посѣтилъ между прочимъ и Дашевъ. «Ты, отецъ,» говорилъ шуточно архипастырь, «долженъ быть счастливъ: твоя фамилія — вѣдь происходитъ отъ греческаго бога — Зевса.» — «Можетъ быть и

могилу отца Илію, которому пропѣли «вѣчная память» 28 іюня 1849 года. И, такъ какъ первое служеніе въ Онуфріевскомъ новодашевскомъ храмѣ отецъ мой началъ 29 іюня 1820 года; то, значитъ, отслужилъ онъ Церкви и отечеству ровно 29 лѣтъ, не перемѣняя мѣста своего пастырскаго служенія.

Да будетъ же въ лѣтописяхъ отечественной исторіи памятно имя твое, приснопамятный для меня труженикъ и въ своемъ родѣ крестоносецъ! Твоя недолголѣтняя жизнь, но немалолѣтняя общественная дѣятельность, да послужитъ благимъ урокомъ для тѣхъ, кому промысломъ Божиимъ опредѣлено странствовать въ сей жизни по узкому и тернистому пути, не лишенному впрочемъ временнаго невиннаго веселія и необходимаго послѣ трудовъ отдохновенія. Въ силу любимой тобою латыни, мои о тебѣ воспоминанія считаю приличнымъ и заключить латынью же. De mortuis aut bene, aut nihil, гласитъ всѣмъ учившимся извѣстное изреченіе. Quid boni dixi, e supra dicto patet. Male dicere autem nefas est istum, qui superest: Michaël natus, Dievsky vocatus.

Протоіерей Михаилъ Діевскій.

2 іюля 1868 года.

Одесса.

такъ,» ваше в-пр-сво, отвѣчалъ отецъ, «но, думаю, вѣрнѣе будетъ производить мою фамилію не отъ боговъ счастливой Эялады, а отъ имени преподобнаго Діа, котораго память Церковь наша творитъ 19 іюля, какъ разъ на каушѣ для моего ангела — пророка Іліа. А пророки и преподобные вообще странники и страдальцы на землѣ».